

18+

ФУНДАМЕНТ ВЕЗДЕСУЩЕГО

ЛЕВАН КИЛАСОНИЯ

Леван Киласония
Фундамент вездесущего

«Издательские решения»

Киласония Л. Б.

Фундамент вездесущего / Л. Б. Киласония — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-695577-6

«Что смотришь?» — думал написать так, но возникнут вопросы. Мы все на «поводойнике» судьбы, на Фундаменте Вездесущего: кто бы что ни придумывал, куда бы ни бежал — всё предначертано «товарищами сверху». Скуфы, альтушки и атеисты втайне протопчут тропинки к Памятникам Достойных, пытаюсь найти следы Вездесущего, а другие — просто увидят их здесь. Тогда моя миссия будет выполнена. Пусть это будет магическим киберпанком на минималках. В любом случае, Good luck. © Л. Киласония 2026.

ISBN 978-5-00-695577-6

© Киласония Л. Б.
© Издательские решения

Содержание

Гургенович	6
Мадам Тата	9
Белобрысые самураи	11
Ты только никому не рассказывай	13
ШПЛАНС	14
Очерк о далеком друге	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Фундамент вездесущего

Леван Бесикиеви́ч Киласония

© Леван Бесикиеви́ч Киласония, 2026

ISBN 978-5-0069-5577-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

17 февраля 2026 г.

Гургенович

Проснулся Григорий Гургенович рано поутру. Сначала в четыре – еще было тихо. Потом в семь. Прислушался – подозрительно тихо. Только в восемь решился и открыл глаза. А уже и день настал, и никто не сверлит, не стучит молотком. Думал и дальше поспать, но увидел сквозь щёлочку, как из окна на него светит большой оранжево-жёлтый шар. И так нежно светит, как будто ласкает небрежно задёрнутую занавеску.

А каким теплом от него веет... Он, конечно, понимал, что веет от нагревателя, но глаза уже было не обмануть! Он вскочил, оделся в светлое, чтобы быть одной семьёй с оранжевым шаром, и поспешил на улицу за баранками.

А там Иннокентий Геннадиевич – тут как тут. Весь кучерявый, всё растёт и растёт в ширь! «Эх, жук навозник!» – подумал про соседа Григорий Гургенович, но вслух сказал:

– Дорогой мой друг! Видите, какое оно у нас круглое и тёплое?

– Доброе утро и вам, почтеннейший! – ответил Иннокентий Геннадиевич. – До двух обещали сегодня будет держаться. – И добавил: – Странное обстоятельство изволю наблюдать, знаете ли. Все вокруг выходной день объявили и не работают! Никто не ожидал такого солнца. Попугаи зелёные – и те рис не клюют! Смотрят и не клюют! Представляете? Сегодня все об этом напишут! Мессенджер просто лопнет!

А Григорий Гургенович смотрит на его пиджак клетчатый и очки круглые, и как бы не на него смотрит вовсе. Громко восклицает:

– Вселенная, услышь мой крик радости! Сегодня у меня выходной! Вы-хо-дноой!

Затем он ловко прикурил папиросу, бросил Иннокентия Геннадиевича, действующего КМС по боевой суете, и, что-то пританцовывая и напевая под нос, побрёл в мини-гастроном. Тынц-тынц, тынц-тынц. А Иннокентий Геннадиевич ему вслед подумал: «Вот балбес. Кто же в выходной день в магазин-то ходит?!»

А магазин совсем недалеко был. Минут десять ходьбы. Идёт Георгий Гургенович по дороге, а его детвора на велосипедах обгоняет. Спешит на поле к антенне – там интернет ловит. А Григорию Гургеновичу просто бы баранок «наловить» к кофе. Там, в будке, сидит, не зная выходных, юная Марфа Татьянаовна. У неё в детстве мама с подругой крепко дружила. Они её и воспитывали, воспитывали, воспитывали, да не вывоспитывали – не смогли победить эрудицию в дочке. Воротилась она, как-то лет пять назад домой и заявила: «Мне Петька с Витькой всё рассказали». И показала живот обрюхаченный, а у самой подушка из гусяного пуха под сарафаном. Мамки в голос режут аж хрусталь трещит. Разочарование то какое. Природа матушка на последней минуте, со штрафного прямо в девятирень пробила. А Марфа то, суровая стоит, жвачку жуёт. Прямо Чехову в глаза смотрит взглядом своим славянским. Антон Павлович такого отрицалова даже на Сахалине не видывал пока учет Непомнящих вел в местах столь неотдаленных. Но то все уже дела былые, густой крапивой поросшие.

– Приветствую вас, Григорий Гургенович! – обрадовалась Марфа. – Поклонилась бы в пол, да брюхо мешает!

Улыбается. А у самой щеки краснющие, волосы русые, глазюки серые, как у волчицы, и руки все в татуировках орнамента индо-заморского.

– Спасибо, что Петьке в ухо дали.

– Да, пустяки, – отмахивается Гургенович. – Я же врачом хотел в детстве стать, вот и прописал больному лекарство.

А сам думает: «Вот негодяй этот Иннокентий Геннадиевич. Эксплуататор хренов! Бизнес он открыл! Посадил девку за лавку торговать среди хулиганов, а сам с газеткою-то под солнцем трубку курить изволит».

– Шли бы вы, Марфа Татьяновна, домой, – говорит Григорий. – Не в вашем-то положении по выходным работать! – выдавал иногда Шутки-шученые Григорий Гургенович, как говориться – не без того-то этого было.

А Марфа из-за прилавка выходит, берёт под локоть Григория Гургеновича и провожает наружу. С грохотом опускает за ними железный занавес магазина.

– Базар закрыт! – смеётся Марфа и как бы стесняясь добавляет: – Я, если честно... я вас ждала. Знала, что вы сегодня придёте, забудете про выходной.

И по-заговорщицки смотрит на Григория, сияет как может. Он же посмотрел на неё как солдат на Родину-мать и сказал:

– Ну, будьте, Марфа Татьяновна! – И был таков.

«Хрен лысый», – подумала она, запрыгнув в препарированное в луже багги во дворе, и резво помчалась по кочкам куда-то в сторону леса под звон из динамиков: «Living in my, living in my dream. You are my heart...»

Обратно с баранками идти легче. Там кот пробежит, за ним собаки. Правило «Четырех Жи». Живность Живет Жизнью Животную. На поле посмотришь – художественная самодеятельность: местная молодёжь что-то на видео записывает. Прыг на корову, попой повертят, да скок обратно в грязь. Ещё гриб можно найти, но лучше не есть. И так уже дом скоро покажется. Как ему не показаться-то? Вокруг одни дачные домики да пара замков с заборами высокими, чего там за ними твориться даже птицы не знают. А он в единственной точке живёт на весь городок поселочного типа. Но, все же огород свой имеет и тем хвалится: мол, корни не забывает.

И так вот, в раздумьях, дразня в лужах лягушек и полусонных шмелей на притоптанном клевере, он дошёл до своей парадной. Ключ провернул, открыл дверь. В лифт не пошёл – зачем рисковать? Вошёл домой на своих двух. По коридору, на ходу переодеваясь в тапочки и шурша пакетом по узким стенам, последовал на кухню. Достал железную итальянскую кофеварку. Открутил нижнюю часть. Налил из-под крана воды, засыпал кофе и закрутил железяку импортную обратно, чтобы сошлись две ее половинки снова в единое целое. Поставил на медленный огонь. Вот теперь – порядок.

А сам вдруг вспомнил этот заговорщицкий взгляд Марфы. Сразу захотелось усы подровнять почему-то. Зашёл он в ванную, внимательно посмотрел в зеркало. Усы на месте. Нос, глаза, зубы и язык тоже. И тут снова Марфа Татьяновна в сознании очутилась, как наяву: «Я, если честно... я вас ждала. Знала, что вы придёте».

«Вот те на», – подумал Григорий Гургенович и пуще прежнего уставился в зеркало.

И пока он вглядывался в отражение, лицо его само стало смотреть на него с другой стороны. Внимательно так. Как будто знало что-то, но по некоторому уважению заговорить с ним не решалось. Потом начало меняться: то превращаясь в отца – Гургена Григорьевича, то снова в него самого. А потом и вовсе пропало куда-то. Тело в нём, то есть в отражении, то было, а головы совсем не было. А когда оно вернулась, это отражение бродяжное, то уже предстало головой Марфы Татьяновны. Григорий Гургенович даже пристально сфокусировал своё непонимание на одной точке, как будто квас в магазине на верхней полке разглядывает. А в голове монотонный голос Марфы протяжно зовёт: «Григорий Гургенович! Григорий Гургенович!» Он и сам начал повторять. Повторял, повторял и доповторялся – чуть мантрой не стал! Но это в местных краях, да и так в открытую не приветствуется совсем и он вовремя акстился. Это было «не то».

И тут, словно океан, хлынувший в раковину, к нему явилось прозрение, территориально, где-то между лбом и переносицей. Ведь что получается: если это – «не то», значит, «то» есть «не это»! Опа! Вот оно! Фуух! – Раздался шум открывающегося соседского окна, из которого прозвучал отрывок песни- «нет, ну что конкретно ты имела ввиду...» И снова прозвучал похо-

жий звук, но уже закрывающегося окна. Синхронизировался – Подметил Григорий. И тут же получил подтверждение.

«Хррррр», – донеслось из кухни забормотавшее кофе. Забурчало что-то на итальянском наконец! «Можно снимать!» – принял факт Григорий Гургенович.

Вышел он на балкон с пакетом баранок в своём стыренном из отеля халате. Ыхх! – кофе глотнул. Хам – укусил за бок баранку. И пока жевал, любовался свысока огородом. Щурил глаза. Держа в одной руке чашку, а в другой телефон, набрал номер. Гудок.

– Алло. Марфа Татьяновна? Приветствую. Это Григорий. А не зашли бы вы ко мне в гости? Я вам своё хозяйство покажу! У меня новая дрель бандеролью из Нидерландов пришла. Штука веселая.

– Ну, милейший... Зачем мне такая худая и вытянутая штука? Пойдёмте-ка лучше со мной на берег реки Ебрегатушки, на место цветения папоротника. Полюбуйтесь на созвездие Ориона- пока оно еще мерцает-то.

– Эх, поля вы мои в цветочечках, да берёзки-зёберки! – пропело в душе у Григория Гургеновича. – Как обычно, у сарая в 7 PM?

– У сарая в семь.

А тут – короткие гудки любви.

Мадам Тата

На первый взгляд мой рассказ про глубокие отношения. Хотя какие глубокие-то? Вся его любовь – даже не пол линейки. И то... ну да ладно.

А так он человек впечатлительный. Однажды как расчувствовался, как настругал бастурмы через запятую! Положил туда соплей миссипского крокодила, фокусов от Ходоровского, простоты худо-добрской – и всё это на неродном языке зашифровал. Как будто попой на трон сел. Хотя сразу видно, что скорее на табуретку. Это так, чтобы понятнее было, чего он ей там начёсывал. Потом уже, чтобы всем вкусно было, он никаких имён в послании не называл – чтобы при случае ещё раз использовать. А там полный когнитивный диссонанс на антропоморфном уровне. И дорога в никуда без светофоров и факелов.

Подумаешь о нём: вот наскрёб бы он лучше себе на велосипед и катался. А потом узнаешь, что все-таки не наскрёб, и грустно сразу за хомо эректуса. А ведь мог бы, а?

Мадам Тата тоже хороша... Чем не хороша-то? Столько милосердия в пятидесяти килограммах с хвостиком. С двух бокалов из выдры – в русалку. Такое опытным фокусникам не под силу. Её даже напополам пилили. Пилили, пилили, да не выпилили!

Так вот, был у неё один блюзмен в молодости. Бренчал, бренчал, бренчал – и добренчался. Тоска её загрызла, она потом бегала прививки делала. А там и художник нарисовался. «Бомж, – говорит, – это состояние духа, а не социальная градация». Но ни духов, ни тюльпанов так и не подарил. Только рисовал её и строго концептуально. А у самого в сквате отопления не было. Поэтому она на всех картинах злая и с носовым платочком: с форточки в шею дуло юной натурщице. Вот и соскочила она с подоконника, чтобы попу не застудить. И захотелось ей жары и танцев. Что и материализовалось после большого меню в гамбургерной, плюс полтора литра пива в общем и целом и немного слёз в плечо из кожанамителя. Потом завернула она всё это глубоким флиртом с молодым кассиром в очках, подмигнула смуглому парню с косичками в очереди и упаковала всё с собой, чтобы доесть дома. Ну, а дальше вы и сами всё уже представили, как я догадался.

Кому-то даже показалось, что ей должно быть стыдно за это. Но нет! Стыдно будет потом. А пока неуютно стало кассиру за то, что он не тот смуглый свободный парень с косичками. А смуглому на причесоне парню стало неловко от своих хилых поползновений, когда её материализовавшийся кавалер со стула встал с набитым картошкой фри ртом и глазами как у дельфина. Сказать вроде что-то хотел, но прожевать не успел и рот сразу закрыл, но кетчуп оттуда вытекать не переставал. По правде сказать не то чтобы он был оборотнем и был невидим до этого, он все время сидел там, это все тот другой с голодухи духовной ничего кроме бюста мадам Таты в упор то и не видел.

«Чёртов маньяк!» – подумал парень с косичками и продолжил греться в сторонке. А её материализовавшийся кавалер – назовём его, да хоть Колбасер – таксистскую карету одним взмахом остановил на улице. Но вовремя увидел общественный транспорт и уволок её в трущобы на автобусе.

Мадам с утра делала вид, что кофе с молоком не любит и бутерброды с колбасой не ест. Требовала фреш из ананаса и в кафе его звала. А компаньеро-то наш – человек творческий. Пластинки из секонд-хенда собирает. Откуда такая роскошь – два дня подряд не дома питаться?! В общем, съехал на нет. Понял, что большего ему уже не угрожало. И написал ей стихотворение о том, как сациви ел. То есть холодную курицу. Мадам Тата, разумеется намек на свою неподвижность сразу то не поняла, но выводы сразу сделала. Она с этим жмотом, даже если он последним человеком на этой планете будет, больше в один автобус не сядет!!!

А тип он, конечно, тот ещё. Мраморный. Холодный, тяжёлый и бледный, когда не прыгает. В общем, говоришь ему: «В мёд сахар не клади», – а он философствует сразу. Посовету-

ешь ему что-то послушать – не слушает! Посоветуешь что-то посмотреть – не посмотрит! И всегда занятым притворяется, а сам бьется как бяка в проруби! Но зато как совет нужен – прилетит словно стервятник с посмертными комплиментами, угрожающими самой экзистенциальности, впридачу с самыми изощренными ультиматумами бля самого бытия человеческого. И не дай Бог скажешь ему чё. Например, правду. Пропадёт как привидение!

Белобрысые самураи

В любой непонятной ситуации люблю слушать дождь. Кап-кап. Кап-кап. Окно в такие моменты становится интересным, словно ночью. Такая таинственность! Природа в самом разгаре или даже в соку. А если еще и sake махнуть... Но какие из нас самураи? Халаты вместо кимоно и вилки вместо сабель. Только сосиску наколоть...

А если там дождь идет? Ведь где-то он постоянно идет. И текут реки пива. И давно уже хочется туда. А нельзя. То одно, то другое. И люди там под дождем ходят веселые и довольные в душе, только с виду хмурые и бурчат себе что-то под нос. Но мне кажется, что они просто притворяются. А так – всё понимают и живут в гармонии с громом и молнией, как будто даосы, только белобрысые.

Маршруты у них замечательные – из замка в сауну, из сауны обратно. Вот и день прошел вроде неплохо. Потом из замка в ресторан. Еду аккуратно жуют, пережевывают, чтобы сразу не заняли место казенное. Очередь.

А бывает у них соберутся все вместе и как поедут путешествовать в соседний замок! Столько приключений на свою душу испытают! На бензоколонке останутся! Из машины выйдут! А по пути в пробке постоят, номера чужих государств поизучают. И даже по дороге песню споют, как им ХО-РО-ШО! И вспомнят, как когда-то вместе ходили в зоопарк, бывало такое...

Глядишь, уже и замок на горизонте видно. Главное – успеть туда, пока кабаны не спустились парк пятачками разрыхлять. А как подъедут близко к нему, то имеют полное право несколько кругов дать по деревне в поисках парковки. Красота! Вот она, свобода-то где была зарыта! Просто надо было немного покопаться в себе. Осмыслить. Понять! Если не припаркуешься тут, то обязательно там! И наплевать, сколько это будет стоить – главное с песней! Да, можно и флаг на лобовое наклеить. А что? Тоже неплохая идея! Можно с орлом, можно с драконом. Да можно и вообще с собакой на задних лапах! Теперь это актуально и приветствуется. Доброта! Доброта-то какая!

Поля и луга. Кое-где даже лошади есть. Где-то пасутся коровы. Мууу-у! Иго-го! А потом, насмотревшись вдоволь с последнего круга, поворачивают и едут обратно в подземный гараж у замка. Как бы не найдя для себя достойного места в окрестностях. И снова можно выйти из машины. Глотнуть воздух и прямым курсом облегчиться! Ну чем не приключение? Да хоть руки помыть. Всех микробов на тот свет! И чистыми, словно роса, идут в замок.

Ну чем не короли? Не самураи, конечно, совсем... нее-ет. Настоящие самураи песни у бензоколонки не поют. Им живот запрещает безобразничать, угрожает раскрыть вмиг все их секреты. Ходят они, словно японские туристы, по холодному замку. Внутри так сурово всё, эпично. В детстве у строителей этого сооружения игрушек совсем не было. Вот они и соорудили такие крепости, чтобы когда вырастут – никто не пришел и не отобрал их! А если что, всегда можно по тайному ходу либо лазу, грядками да огородами, да через заднюю калитку незаметно оттуда улизнуть. Романтики...

А обратный путь всегда такой. Ночь. Они то дальний свет включают, то выключат. То снова включают, но выключить забудут. По встречной фура недовольная с другой стороны проедет и моргнет, а то и побибикает! Приключения-то и не думают кончаться! Навигатор интернет как потеряет – и тут самое интересное может случиться. Скорость сбавят и встанут у обочины. Аварийки включают и мигают. Дышат. Сами прекрасно понимают, что заблудиться-то в этом лесу просто нереально! Всё время прямо – и дома! Такое Дао и Дэ. И пусть, пусть кажутся им эти зигзаги на асфальтовой дороге невидимыми поворотами судьбы. Но как самураи в душе они знают, знают, что идут прямо. Прямо к мечте. Ъ!

И дома уже у себя, в своем квартирном замке, где они сами себе драконы и рыцари круглого стола, пусть с вилкой и ножом в руках, а не с катаной, разделяют в трапезной дичь. Вспоминают цены на бензоколонке, поля и, разумеется, замок. И думают: «Ну ладно, вот и день прошел вроде неплохо». И только вино в бокале уговаривает их побыть немного еще. Побыть белобрысыми самураями.

Ты только никому не рассказывай

Расскажу вам одну историю. Меня один приятель попросил никому не рассказывать. Встретились мы, помню, по важному делу. Говорим, значит. Папиросы курим. А он вдруг ни с того ни с сего:

– История у меня есть, – говорит, – одна, просто бомба! Слушай. Человек я, – говорит, – сейчас холостой, а любить, сам понимаешь, времени нет никакого. Ну вот и стал искать в паутине кого-то. Зарегистрировался, анкеты заполнил. И представляешь – она пришла! Добрая, отзывчивая, а главное – рискованная!!! Говорит: «Пойдем пошалим в другой чат». Ну я прыг за ней сразу.

А я тем временем приятеля слушаю да время от времени вставляю: «Ого!» или «Да ничего себе!». А он светится, рассказывает.

– Ну, – говорит, – как только мы это сделали, присылает она мне видео. Где я в чем мать родила на экране, да ещё и в главной роли.

Тут я на скамейке как сидел, так и затянулся поглубже. Страшно стало – жуть. Ветер в шею дует. Порт всё-таки. Там еще рыбы большие плавают и чайки с огромными клювами.

– Так я попал на шантаж, – подытожил мой друг.

Просили сначала 7 000 на лечение больной сестры. Но через пять минут понизили ставку до 50 евро. На что я его перебил:

– Ну, надеюсь, ты не собираешься их отдавать?

А он мне с видом заговорщика отвечает:

– Я вот что сделал! Говорю ей: «Не могу тебе помочь деньгами, подруга. Пришли мне фото твоей сестры. Я могу постараться помочь по-другому».

Больше мне никто не писал. Закончил он. Я спрыгнул с лавочки и ржал как конь, торжествующий победу добра над цифровым коварством.

Я точно не знаю, что подумала бедная шарлатанка. Может, нафантазировала, что Сенька знает её сестру, либо что пробил её IP адрес и взломал соцсети. Но я-то его знал: он в тот момент хотел прикинуться экстрасенсом и провести сеанс излечения от денег по цене, слегка превышающей те 50 евро. Сеня достаточно демократичен в своих расценках. Так или иначе, его магия в итоге сработала. Шарлатанка исчезла. Хотя конечно, на карандашик взяла. Надо такое во внутренний протокол занести и самому в такие темы не вписываться.

Хотя сначала я думу думал, мысль откуда-то взявшуюся о древней рыбе, что гордо поползла по пустыне вперёд, по пескам да по барханам, прочь от морских пучин. А там вдруг местные встретились ей да как обрадовались. Несут её на костер, копы в её тело повтыкали, чтобы тащить удобнее было. Поджарили полудинозавра и уселись пировать. А в это время кто-то сидел и с них портрет писал на скале. Контурно. Концептуально. И на века.

И на нас в этот момент, на нас тоже кто-то смотрел и пометки делал! Я даже знаю откуда смотрел. Сверху, конечно! Две звезды слева от Луны. Как два глаза постоянно смотрят и смотрят. Я давно заметил! В созвездии Стрельца они вроде. В хвосте.

Эх, знать бы, как их зовут...

Утро 25 сентября. Барселона. Доковидные времена.

ШПЛАНС

Свернув с Рамблы направо в Раваль – на той самой улице, где в госпитале умер Гауди, – из моей квартиры, распахнув дверь, убежала девушка в Сибирь. Только с чемоданом попросила помочь. Я его тогда чуть в лестничный пролёт не скинул.

А на работе отпустили домой – но так, чтобы больше не возвращался. Мне кажется, из-за этого-то она и схватилась за чемодан. Друзья как узнали, что дела мои плохи, так и прекратили общаться. Думал, из дома больше не выйду. Ну его на. Сидел в мохнатом свитере и пил чай. Но всё-таки вышел.

И здрасте – женился на красотке. Потом медовый месяц. Тут мнения разделились: кто-то был за, а кто-то против. Но паэлью со мной не все из одной сковороды есть хотели. Только самые близкие. Тогда и состоялся мой выход из-за печки.

Оделся я в белое, ножки скрестил и начал энергию раздавать. Кто-то присел послушать. Другие стали приходить, спрашивать, что да как. Я им – не воруй! Силу вырабатывай! И так – пока мениски не лопнули.

А потом папой стал. Потом расскажу как. И книга написалась как будто сама. Да и вообще номера сменил. Другим человеком стал. А бумажку сохранил – что новый я всё тот же я, что и раньше.

И вот уже на площади стою. Результаты труда распаковываю. Вокруг зеваки. Чего-то тонкого от меня ждут. А я им совсем не Винстон. Не стержень – а кремень во мне. Зелёная энергия. И что-то мне на ушко шепчет: либо признают, либо на костёр... А я-то знаю – меня уже не отщептать. На костёр без признания не поведут.

Разворачиваю им свой пирог. Угощаю. Они едят. Кивают. И все, кто нужно – уже здесь. Звёзды сошлись. Ведь я Козерог в Овне! Сын космоса и чёрной дыры. Во мне весь Инь и весь Ян. Все свойства вещей – тоже во мне. Между Дао и Дзен мчусь на тачке мимо клюва Орла. И тот, кто стрелял в Орфея и заполнил всю пустоту – тоже я. Я тот, кто рисовал аборигенам круги на полях. Вашими же ртами со мной говорит Бог.

Он написал для меня все нужные заклинания, познакомил с шаманами и придумал астрологию. Он рассказал мне, зачем Шива летал на Кайлас – чтобы я сам тоже смог летать. Моя богиня в 21-м обличии исповедует культ самореализации. Поэтому «Облака» – первое слово моего сына. Я с молотка покупаю дом и завожу там собак. Играет музыка мироздания.

ШПЛАНС!

Очерк о далеком друге

Познакомились мы с ним в Барселоне. Я тогда чемоданы таскал в отеле, подрабатывал. Время было еще до кризиса 2008 года. Деньги буквально из карманов выпадали, боялся телефон достать. Работа суетная была, нервная. Не все могли пережить успех других людей. Отель-то пятизвездочным был. День еще был тот особо нервный. А его кульминацией стал он – JR. Хирума.

Он только въехал, а номер был ещё не готов. Поэтому багаж сдал в кладовку на хранение. И на этом вроде и дело с концом, но администраторы сильно ошибались. Хирума постоянно что-то спрашивал и уточнял, а потом вообще попросил ручку и бумагу, чтобы записать перечень всего, что было у него в чемоданах. Но даже этого ему оказалось мало, и он просил что-то еще. Так началась ругань на стойке регистрации.

Подошёл я в коричневой униформе. Мне было неприятно, что со стариком, как мне показалось, плохо обращаются. Поговорив с ним, я понял, что ему нужно, и с улыбкой во всё лицо попросил администратора линейку для Хирумы, чтобы тот расчертил белый лист бумаги и красиво написал на нем свой список. Меня тоже не любили в этом отеле. Вот мы с японцем и подружились.

Уезжая, он дал мне свою визитку. Сказал, что работает в Токио и будет рад встрече со мной. У меня таких визиток за время работы в отелях уже была целая гора. Поэтому я не обратил на это внимания и даже подумал, что мог бы пустить его визитку на фильтры для табака. Но он также записал и мои координаты. И позвонил. Потом ещё позвонил. В конце концов, под Новый год я взял отпуск и полетел в Токио.

Устроился на несколько дней в четырехзвездочном отеле. Вдоволь посмеялся над туалетом на кнопках с выезжающей струёй. А потом встретился и с самим JR. Он мне устроил экскурсию моей жизни.

Сначала мы пошли в театр Кабуки и ели там водоросли. На сцене был отборный сюр. Хирума ругал меня за мой внешний вид: косуха, серый свитер с большим вырезом и рваные джинсы с белыми кроссовками. Сам Хирума был в длинном черном пальто. С важным видом он рассказывал, как сложно было достать билеты на это представление, и постоянно говорил мне читать субтитры на спинке кресла впереди, чтобы понимать, что происходит на сцене.

Потом мы пошли в баню под открытым небом. Онсэн называется. В бане был бассейн для мужчин, бассейн для женщин и общий. Мы пошли в общий. Красота. Там не было много народу, но женщины были. Хирума был рад и довольно плавал.

Потом мы с ним разминулись, и я пошёл бродить по этому банному комплексу и увидел нечто. В небольшом помещении огромная женщина, которая вполне могла бы быть самкой циклопа, мучила на массажном столе голых мужчин. Они издавали глухие стоны, а она жестоко орудовала руками и месила их, словно тесто, в порядке очереди. Я открыл рот от изумления и пошел прочь. Обернувшись, я увидел, как она тоже вышла вслед за мной из своей комнаты и стояла в коридоре, пристально смотря мне вслед. От волнения у меня выпало полотенце из рук. Я быстро схватил его и побежал прочь. Хирума уже ждал меня у выхода.

Он предложил подкрепиться, и мы пошли в итальянский ресторан. Перекусили пастой. Он рассказал про свою жизнь в Париже. Попили вина, и он поведал мне про своих девочек. Хирума оказался тем еще Доном Жуаном и хвастался своей молодой подругой, а потом плавно перешел к теме «повеселиться». И довольно конкретно. Он спросил меня, нравятся ли мне японки. Я ответил, что да, конечно, японки – супер! Все в рамках уважения к культуре и традициям, разумеется.

И он вдруг вспомнил, что знает одно место, где можно провести время в культурной компании. Только ехать долго. Я сказал: «Поехали!» Для меня это не просто приключение,

а ценный опыт. Даже в некотором роде эксперимент – американские горки меня никогда особо не интересовали.

Ехали мы долго. Сначала на метро до конечной. А это реально долго. Народу под землей было очень много. А нога-то у меня большая – 47-й размер. Немного зазевался – и уже топчешь в очереди местные ботинки. Потом, к моему ужасу, мы пересекли черту города на поезде и опять ехали долго, но было уже попросторнее. Мне казалось, что мы покидаем Японию. Выйдя из поезда, мой друг сказал, что надо брать такси и ехать куда-то дальше. Я засомневался.

Лил дождь. Очередь на такси была огромной. Зонта у нас не было, как и у многих в очереди. Была ночь. Тут Хирума сказал нечто вроде:

– Боюсь, что уже поздно и что когда мы доедем туда, они уже закроются. Поэтому мы можем снять номер в отеле и отправиться дальше поутру!

Тут я его покинул, отпросившись в туалет. Слившись с ночной толпой, на своё удивление я попал на узкую улицу, усеянную борделями. На входе в которые стояли разодетые гейши и секьюрити. Ловя мой эрудированный взгляд, они то и дело с гордостью говорили мне: «Джипаниз онли!» Мол, только для японцев. Что ж, подумал я, надо за это выпить – и зашел в какой-то деревянный бар.

За баром с суровым видом сидели несколько по пояс голых мужчин. Разумеется, все были в татуировках местного эпоса про драконов. Якудза, наверное. Царила тишина, и все, повернувшись, смотрели на меня. Испытывали культурный шок. Мне стало не по себе. Но выйти так, со страху, я не мог себе позволить. Метро, один черт, было уже закрыто, поезд, скорее всего, тоже спал, да и Хирума был ещё там – я был в этом уверен. Пришлось заказать что-то выпить и уйти.

Так я и бродил под дождем, поворачивая то влево, то вправо среди деревянных домиков и ресторанчиков, как в мультике Миядзаки, только для взрослых. Ориентируясь по вороньему карканью и некой Силе, которая куда-то несла меня в эту непогоду, пришел в итоге в диско-бар. Внутри было три человека вместе с барменом. Они очень удивились моему явлению и стали угощать выпивкой. Я не стал отказываться, но и рассказывать правду о том, как там оказался, тоже не стал. Соврал, что тут с друзьями, а они спят в отеле.

Когда бар закрыли, было уже 4:30, и те трое повезли меня развлекаться дальше вместе с ними. Бармен, девушка и парень – или тот, который очень хотел быть ее парнем. Приехали мы в китайскую кафешку. Как мне объяснили, там это модно и даже является своего рода афтерпати. Китайцы открываются очень рано, чтобы те, кто возвращается из баров или дискотек, могли продолжить свое веселье.

Это было небольшое помещение, почти всё место занимали матрасы или даже кровати, которые едва ли не доходили аж до барной стойки. Там нас ждали их друзья. Я вдоволь наелся и напился и провалялся всё утро там на кроватях в приятной компании. Потом с кучей записанных телефонов и электронных адресов я поехал обратно в отель спать. И как оказалось – приехал сильно простуженным.

На ресепшене я попросил никого меня не беспокоить и никого не пускать. Но как бы не так! Гроза всех отелей и администраторов Хирума явился туда и требовал встречи. Мне сначала позвонили с ресепшена. Я прошипел что-то в телефон и повесил трубку. Потом ко мне поднялись и позвонили в номер. Я что-то прорычал в ответ через дверь. Потом поднялся в номер сам менеджер отеля и открыл дверь своим ключом. Я опешил от такого нарушения личного пространства, но опешил лежа. Кланяясь и извиняясь, он причитал, что очень сожалеет, но не может справиться с Хирумой, который очень переживает за моё здоровье. Он как знал, что я мог заболеть. С кислой миной я спустился в холл. Убедившись в своей правоте, JP что-то сказал и уехал.

За те две безумных недели в Токио мы встретились с ним ещё раз. На этот раз он решил спасти мою душу. Он спросил меня, не крещеный ли я и вообще верю ли я в какого-то опреде-

ленного бога. А я тогда Кастанеду читал. Я ответил, что крещеный и что мне нравится познавать Всевышнего с различных точек зрения. И он пригласил меня в одно место – в храм. А я жутко люблю такие места.

Приехали мы с Хирумой на машине его друга к какому-то невысокому белому зданию. Туда подъезжали люди на крутых иномарках. Мы вышли из машины и зашли внутрь. Тут Хирума заговорщически стал рассказывать мне про то, что сейчас будет. Он сказал, что придет момент, когда мне надо будет сделать пожертвование, и назвал сумму в иенах, которую не стыдно было пожертвовать. Я же ответил, что тот сошел с ума, так как денег у меня нет, и я вообще 800 евро отдал только за билеты и 500 – за отель.

Хирума согласился дать мне займы несколько купюр и положил их в конверт. Он шел впереди. Я понял, что лучшего момента больше не будет, и вытащил из конверта деньги, оставив в нем одну бумажку. Мы вошли в небольшое помещение. Там была статуя, похожая на статую Будды, которого обвивал плющ. Со сцены человек в странной одежде читал мантры. Нам всем раздали книжечки и четки. Надо было участвовать в этом. Я сразу спросил друга, надолго ли это затянется. Он сказал – часа на три. Я оцепенел.

Придя в себя, я шепнул ему на ухо, что у меня есть максимум минут двадцать. Хирума обернулся и прошептал в ответ:

– Все эти люди здесь ради тебя!

Я потерял дар речи. Всё, что происходило там, было церемонией моего посвящения. Хирума что-то долго объяснял ведущему, тот что-то говорил в ответ, но Хирума не оставил ему ни малейшего шанса. И через минут сорок меня всё-таки отпустили, дав четки, сувениры, книжку и еще что-то. Я всё забрал и уехал оттуда, отдав конверт с урезанным бюджетом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.